

Карантин, день 1

Мои дороги не ведут в Рим. Площадь моих дорог составляет пятьдесят квадратных метров. Из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни в коридор – ванную – туалет. Пожалуй, всё. Это мой лабиринт – узкий, кривой и нескончаемый. В моём лабиринте внезапно появились другие – члены моей семьи. Когда пятеро взрослых и один малолетний встречаются вечером, после работы – это ничего, но сейчас мы вынуждены видеть друг друга с утра до ночи, днём и вечером, каждую минуту, секунду встречаться взглядами, слышать, взрывать, орать, ненавидеть и показывать своё отношение друг к другу. Я хочу ускорить это чёртово время, хочу утопить все маски, павильоны новостей, откуда бесконечно передаются слова «карантин», «пандемия», «коронавирус». На столе появляются тарелки, хлеб, запечённая курица и спагетти. Мы взяли стол в окружение, наши мысли тянутся так же, как спагетти из тарелок переходят в наши рты. Острые зубцы вилок терзают уже дохлую и запечённую птицу, которая так никогда и не успела взлететь. Мать сердито смотрит на отца: «Жуй тише», – отец взглядом Минотавра отвечает матери: «Ты поешь, мы уж потом поговорим». «Ну, хватит уже», – сестра повышает голос, брат угрожающе перебивает: «Когда же я уйду от вас? От вас невозможно избавиться. Это полный дурдом!» Мой сын плачет, а затем подключается к другу: «Сейчас кого убивать будем? Запри его в ящик, чтоб не смог выйти. Хана, хана, хана!». Кладу в рот спагетти, чтобы не вмешиваться. Я, кажется, температуру. Видимо, на нервной почве. «Апчхи!» – чихнула мать. «Ничего себе, не хватало, чтобы ты заболела и нас заразила», – усмехается сестра, вместо того, чтобы пожелать здоровья, и считает, сколько ещё нам предстоит сидеть дома. «Обычная история. Надо же было так наказать человечество! Труп на трупе, видимо, все умрём. Вон, в Италии ни души, все, все помирают», – констатирует брат и

уходит к себе в спальню, дорисовывать цикл картин «Горгона». «Что-что?» – переспрашивает сестра и хохочет как сумасшедшая. «Бездарным коровам знать не дано, ты разбираешься только в искусственных цветах, подаренных твоим таксистом», – колко отвечает брат. Они кричат друг на друга, отец матерится, мать плачет. Чувствуется, как они любят друг друга.

Карантин, день 4

«Вот, все умирают, нет Европы. Конец», – жуя и одновременно глядя в телефон, говорит отец. Я дрожу. Я хочу залезть под стол, как в детстве, когда наивно думала, что так мать не сможет найти меня, я хочу проснуться из этой реальности, хочу найти выход из своего лабиринта и уехать к своему возлюбленному, который ждёт меня в Риме. Да, в отличие от своих домочадцев, я безработная; я никогда не работала. Успела лишь окончить школу, университет, выйти замуж, родить ребёнка, развестись, вернуться обратно. Вернуться, сидеть, ждать, ждать, крепко сидя на стуле, дать название своему перформансу: «Растить ребёнка». Растить, растить, ребёнок всегда нуждается в опеке, опека требует времени, нужно отложить свои требования. Безработная не имеет права слова, не поднимает голоса, разведёнка – в особенности. Я разведённая и безработная женщина. Как говорит сестра, «классическая паразитка». Я, конечно, не знаю, чем отличается классическая паразитка от неклассической, но она денно и ночью работает (как и остальные члены моей семьи), кормит нас с ребёнком, и я вынуждена делать вид, что ничего такого не слышу. Хотя однажды не сдержалась. Несколько дней назад сын мне сказал: «Ты мне не указывай, делать уроки или нет, классическая паразитка!» Я вышла из себя и дала пощёчину, видимо, получилось слишком сильно, потому что все мгновенно собрались вокруг нас изо всех углов и начали обвинять: «Невоспитанная вырастила невоспитанного!»

Карантин, день 6

Мои слёзы больше не умеют течь снаружи. Они капают поперёк и застревают там, внутри. Прячутся. Как я, от этого мира. Сильные мира устали от своих граждан, граждане – от своих начальников, начальники – от работников, работники – от своих супругов, супруги – от детей, все отказались друг от друга. В итоге, не только Дания, как писал Шекспир, но и весь мир превратился в огромную тюрьму. Я в своей тюрьме угвоздилась на маленьком стуле рядом с окном, перед ноутбуком. От нас только интернет не отказывается. Пока он новенький, не очень-то разбирается в людях. У меня задание: написать рассказ для одного журнала. Сестра смеётся: «Напиши-ка ты про таких же классических паразитов, авось полюбишься читателям, ко всему прочему, ещё и эмигрантка, будет от тебя хоть какой-нибудь толк». Мне захотелось поставленную перед ней тарелку разбить о её коровью морду, но тарелку стало жалко. У нас всего шесть тарелок. Если разобью, из чего же тогда буду есть?

Карантин, день 8

В нашей маленькой московской съёмной квартире к основным членам семьи добавился ещё один – премьер-министр Армении, который, периодически заходя в лайв, появляется среди нас. Это невыносимо. Можно подумать, что отец делает это намеренно, последовательно следя за нашей реакцией. В ответ на это брат демонстративно включает арии из «Нормы», сестра якобы случайно вспоминает, что должна заняться шейпингом, пока не растолстела, и под непонятные ритмичные звуки, трясая своей огромной задницей, начинает опускать и поднимать грузное тело (она думает, что в её тридцать пять шансы на замужество и беременность сошли к минимуму, из-за чего часто раздражается). Тогда брат, который младше её на пять лет, кричит из спальни: «Ну не делай так, худые коровы приобретают болезненный вид». Я начинаю смеяться, и это моя самая большая ошибка, поскольку все вспоминают, что существую я, младшая в семье, в реальности – двадцативосьмилетняя женщина, смех которой раздражает всех.

Карантин, день 10

Если карантин продлится ещё месяц, думаю, многие семьи с любовью уничтожат друг друга, ведь невыносимо, когда в одном месте собирают людей, друг друга ненавидящих, и заставляют их оставаться дома. Мать заранее закупила продукты. Нет никакой необходимости выходить из дому. А если кто-нибудь из нас заболеет, вот тогда начнётся настоящая драма. Никто из нас не имеет гражданства, а срок регистрационных документов уже два месяца как истёк. «Хватит истерить, кто проверять-то будет?» – говорит отец. Режущий слух голос премьер-министра вновь распространяется по квартире.

Карантин, день 15

Мой ноутбук – моё спасение. Это моё окно в мир, где воздух более чистый, где нет надобности носить медицинские маски, где все... ладно, не все, но некоторые любят меня. Среди них мне сразу понравился он, Марчелло, который живёт в Риме. На самом деле он русский по имени Миша. Он такой же эмигрант, как и я, бесконечно ищущий свой жизненный путь, цели, свою любовь. Я представила себя с бокалом шампанского, смеющейся и танцующей в фонтане Треви с Марчелло, конечно же, не с Мastroяни. Эмигрантам приходится несладко. Марчелло тоже нельзя выходить из своей маленькой съёмной квартирki. На стройке сейчас делать нечего, остаётся сидеть взаперти и рисовать. Он рисует облака. Большие, кучевые, слоистые, перистые, разных форм и оттенков. Правда, мне было не по себе, когда он показал непонятно куда движущееся облако загнутой формы и добавил, что перистое облако на картине – я. Признаюсь, было досадно, но потом я остыла и подумала: лучше быть перистым облаком, чем классическим паразитом. Он признался в любви. Это окрыляет.

Карантин, день 22

Сын постоянно сетует: «Когда вырасту, и тогда нельзя будет выходить на улицу?» Продукты питания постепенно заканчиваются. «Пораньше ложитесь спать, чтобы тратить меньше электроэнергии и мало есть», – наставляет мать. Я стараюсь меньше питаться, меньше общаться, меньше думать. Мать наводит порядок в шкафу. И так каждый день. В день два раза.

Впечатление, что выводит своих собачек на свежий воздух. Это очень смешно, но и печально. По вечерам она достаёт своё красное платьице, которое в последний раз надевала в трёхлетнем возрасте. «Дети, я ведь тоже была ребёнком, вот в этом платьице, взяв за руку свою маму, возвращалась из детсада домой. Меня любили, угощали конфетами. Я устала от своей жизни, я хочу вернуться в детство. Каким хитрым волком ты оказался на моём пути? Апчхи!» Отец, распространяя дым сигарет, из кухни появляется в гостиной. «Неблагодарная ты! Опять начинаешь, опять... Не устала от своего архива? Хочешь, катись ко всем чертям, тебя никто не задерживает». «Ты мне должен, верни мою жизнь, ты сожрал её и спрятал в своём огромном брюхе!» – отвечает мать. Слезы опять тихонько начинают укладываться в еле заметные дырочки вязки. Ссора начинает набирать обороты, детство матери борется с хладнокровием отца. В неравном бою побеждает появление брата с картинками «Обычная пандемия». На картинах – клетки с открытыми дверцами, а внутри клеток – трупы птиц и животных. «А нет ли среди них колибри?», – спрашиваю я. «Нет, они и без того наказаны, что такие маленькие, я их пощадил». «Маленькие, как мама, наказанные, как мама, хи-хи, хи-хи!», – хлопает в ладоши, покатывается со смеху сын, поднимая волну хохота в доме.

Карантин, день 23

Я каждый день кормлю голубя. Он залетает на балкон и своим воркованием зовёт меня. Оказывается, Марчелло тоже кормит голубя. Мы решили, что это наш почтовый голубь, единственный реальный свидетель нашей виртуальной любви. Я стараюсь быть по возможности предусмотрительной. Вдруг подумают, что я делюсь нашим хлебом с какой-то птицей. Ведь нам и самим не хватает еды. Сегодня утром заметила, как сын тайно следит за мной (когда мне было восемь, я не была такой), но сделала вид, что не замечаю. Не хотела поднимать лишний шум. Он вскоре ушёл со своим телефоном, наверное, опять взялся уничтожать виртуальных врагов. Я понимаю, что слаба как мать, женщина, дочь, человек, в конце концов, надо быть более принципиальной и смелой, надо менять свою жизнь. Когда всё это закончится, я обязательно изменю свою жизнь. Возьму свой маленький чемодан, сына, поблагодарю своих родных и уеду в

Италию. Да, именно к нему! А если сын заупрямится, не захочет уехать со мной... Нет, тогда я не смогу оставить его и уехать одна. И не смогу не уехать...

Карантин, день 25

Я продолжаю писать. Литература – самый приятный наркотик, оправдывающий существование таких самоизолированных, как я. Наша жизнь находится на грани снов. Это немного страшит, так как сейчас на нашей планете все до единого видят один и тот же сон. Это как если в тёмном зале кинотеатра включить фильм определённого жанра и заставить всех смотреть именно этот фильм. Я так и не полюбила кино. Моя любовь – театр, порывистый и искренний, без лживых монтажей, сцен, снятых общим, средним и крупным планом.

Карантин, день 26

Мать снова плачет. Все кричат друг на друга. Я предложила ей стакан воды и попросила открыть мне сердце. Она посмотрела на меня блёклым взглядом, своей пухленькой рукой прикрыла мою костлявую руку и сказала, что всегда мечтала с концертами игры на арфе выступать в разных странах, чтобы ей аплодировали и дарили цветы. «Мам, так у тебя есть музыкальное образование?» – она на пару секунд задержала взгляд: «Девочка моя, мечты не требуют образования».

Карантин, день 30

Пока все спят, я решила испечь хлеб. Если правильно рассчитала, то мы сможем испечь ещё десять буханок хлеба и всё. Надеюсь, что через десять буханок нас выпустят на свободу. А пока закрыты все возможные границы мира, я смело перехожу границы интернета. Моя итальянская любовь на фоне всеобщей боли нашла другую боль – это я. Я начала ныть, что одиночество грызёт меня, что я больше не могу так жить. Он улыбнулся своими небесными глазами и произнёс: «Нас с детства учат быть ответственными за других людей, но не учат брать ответственность за своё одиночество». Находясь в окружении своих картин с облаками, он показался мне более далёким и очень любимым. «Опять ты куришь», – улыбнулась я. «Выкуриваю своё счастье». Я поняла, что ожидание чудес и скрытые мысли опустошают нас...

Карантин

У нас пока ничего не изменилось, если не считать, что ссоры и затишья стали более беспорядочными. Большое затишье следует за большой ссорой, а потом снова собираемся на кухне, за столом продолжаем незавершённые разговоры прошлых лет. Слова, мысли, воспоминания, словно эстафетой передаются от одного к другому, это продолжается до тех пор, пока все не поймут, что истощены и потихоньку не покинут поле битвы. И опять включится премьер-министр с повесткой дня, со сложной арифметикой смертей и выживших. «Я больше не в силах терпеть это. Мне хочется на родину», – говорит отец. «Эх, а кто тебя держит-то?», – обиженно отвечает мать и продолжает: «Остаётся понять, где ты жить собираешься, и всё». И всё. Все вспоминают наш проданный дом, чистый воздух, оранжевое солнце, наш переезд, ожидание и надежду, веру, спрятанную за медицинской маской, а ещё – наши просроченные документы...

Карантин

Уже два дня, как Марчелло сильно грустит. Он сказал, что цикл «облаков» пополнился кучево-дождевыми облаками. Показал. Мне не понравилось. Он понял. Я

не умею скрывать свои эмоции. Он сказал, что дождевые облака приятны лишь земле. Заметила, что он отощал от голода, но он продолжал говорить о нашей любви, границах, которые очень скоро откроются, о солнце и воздухе... Мать снова обняла своё красное платье и опять продолжает требовать у отца свою сломанную жизнь... «Апчхи!»...

Карантин

Сегодня я почти весь день спала, только к вечеру сестра разбудила: «Вставай, ужин готов». По правде говоря, я не хотела есть, не спеша зашла на кухню. Я еле удержалась за стену, чтобы не упасть. Хотела закричать, но голос куда-то пропал. Застыла на месте. На стол в овальной тарелке положили моего голубя. Острые копыта вилок вонзились в его тело. Я смогла лишь повернуться и войти в туалет, затем обеими руками схватиться за унитаз...

Меня словно никто не видел и не слышал. Когда выходила оттуда, до меня донёлся восторженный голос сына: «Дедушка, ты такой крутой! Как тебе удалось, а? Смотри, за несколько часов столько лайков собрали!» «Да уж, мальчик мой, не каждому удаётся крысоловкой поймать птицу. Ты ешь, набирайся сил, нам ещё много всего предстоит сделать...»